

УДК 37.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

МЯЗИТОВ Эльдар Рушанович,

полковник, старший преподаватель военной кафедры, аспирант,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация. Показаны: агрессия мировой олигархии против культур и суверенитетов народов Писания и всей планеты, её истоки и причины, предтечи, движущие силы и история, идеологические прикрытия, «культурное» оружие и педагогико-средовой характер, особая нацеленность на ценностно-этическую идентичность ещё противостоящих ей России и её вооружённых сил; теоретические и ценностно-этические основания, ряд перспектив, версия и пути развития педагогической культуры российских офицеров в условиях этой агрессии и в контексте идей, обобщений и поисков школы Е. П. Белозерцева в средовом подходе к образованию и педагогике.

Ключевые слова: культуроцидная глобализация; оборонно-педагогическое мышление; средовой подход; теоретическая модель развития педагогической культуры офицеров России.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN OFFICERS' PEDAGOGICAL CULTURE WITHIN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

MYAZITOV E.R.,

National Research University «Higher School of Economics»,
Colonel, Senior Lecturer of the Military Department,
Postgraduate of Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article reveals the aggression of the world oligarchy against the cultures and sovereigns of the peoples of Scripture and the entire planet, its origins and causes, forerunners, driving forces and history, ideological coverings, "cultural" weapons, pedagogical and environmental character, its special focus on the identity of Russia and its armed forces that still oppose it; value-based and ethical foundations, a number of perspectives, a version and ways of developing the pedagogical culture of Russian officers in the context of this aggression and in the context of the ideas, generalizations and searches of E. P. Belozertsev's school in the environmental approach to education and pedagogy.

KEY WORDS: cultural globalization, defense pedagogical thinking; environmental approach; theoretical model of pedagogical culture development of Russian officers.

Д аже самый общий обзор текущих противостояний в мире показывает, что помимо их, на их фоне и под их прикрытием, а кроме того, и посредством их, происходит в наши дни и ещё одна, не только не менее масштабная, но, как полагаем, даже куда более значимая группа глобальных конфликтов, осуществляемых как полно-объёмная и системная агрессия мировой транснациональной олигархии против всех идентичностей, культур и суверенитетов планеты.

Более того, полагаем, что даже преобладающий смысл современного этапа глобализации состоит в почти стихийно осуществляющемся выборе: либо всемирный олигархат, редуцирующий сам феномен глобальности на все мировые суверенитеты и идентичности, с одной стороны, либо многополярная система культур и суверенитетов, – с другой. Выбор выступает, таким образом, и как оппозиция: либо глобальный универсум, либо его полное вырождение и как глобального, и как универсума. Проходит эта группа противостояний и с односторонним и чрезвычайно эффективным применением принципиально нового за последние эпохи (модерн и постмодерн) «культурного» оружия, глобальная «тиг-

леплавильная» нацеленность которого явно побеждающим олигархатом почти и не скрывается, и с никогда не бывальными ранее потерями.

Только самыми очевидными жертвами этого противостояния стали и ещё так недавно вполне христианский мировой Запад, на наших глазах ставший Пост-Западом, и совсем недавно вполне исламский Ближний Восток, ныне не только западному либерально извращённый, но из основной локализации принципиальной религии мира (ислама), превратившийся в некий рассадник ваххабитствующих террористов и чуть ли не в главную угрозу человечеству.

В этом же ряду и Западная Европа, которая из ещё недавней «страны Святых чудес» (А. С. Хомяков) превратилась и в «одномерное человечество», по Г. Маркузе, и в «западноидный» «человек», по А. А. Зиновьеву, и в радужно-полиморфную перверсию евросоюзного «скотного двора», по Дж. Оруэллу, да ещё и с мигрантским колоритом. Не отстаёт и ещё так недавний «град на холме» (по крайней мере, в просвещенческом смысле) в лице когда-то и протестантских, и классически иудейских США, ныне, преимущественно, неоконсервативных, постыдно и лицемерно политкорректных. Вопросом остается и то, можно ли, когда-то, безусловно, и православленную, и правоверную, и самодержавную, и неделимую, нашедшую и в марксистские времена новую форму са-

модержавия в виде власти советов, пережившую несколько тактов культурной революции, а ныне и постсоветскую, и уже около ста лет произвольно разделённую Россию, по-прежнему, считать среди ещё крепких стран, культур и народов Писания?

Итоги эти есть прямое следствие технологического и педагогико-средового характера «культурного» и культуроцидного оружия. Как под формально модернистскими, так и под формально же постмодернистскими предложениями нацелено оно не на кого-то отдельно из нас, хотя, прежде всего, на сознание, систему ценностей и нравственность новых поколений, но на саму среду как российского, так и мирового социума, во всех его ракурсах, уровнях, масштабах, нишах и структурах: от семейно-личностных, сословно-профессиональных (в том числе и воинских) и этнорегиональных до национально-локальных, конфессиональных и культурно-цивилизационных. И всё это не только ещё более усиливает его поражающее воздействие, основанное как на сущностной подмене и всемерной дискредитации традиционных систем ценностей, так и на противопоставлении им исключительно потребительского ценностного горизонта и общем порабощении человека сферой страстей, но и почти неотвратимо ведёт к появлению глобального «культурного пролетариата», ещё Г. Маркузе, опознанного как в качестве важнейшей цели и этого оружия, и его пользователей, так и в качестве небывало эффективного средства обретения глобальной и глобально же безответственной власти.

Однако снятие культурной идентичности даже только с народов Писания, в том числе и российского историко-культурного феномена, неотвратимо приведёт к культурной пролетаризации и всего мирового социума, что небезразлично как для глобальной устойчивости, так и для сохранения феномена «осевого времени» (осуществляющегося благодаря культурной множественности мироздания), равно как и для прямо следующих из этого феномена (К. Ясперс [1, с. 32–50]) важнейших духовно-этических, космических и вселенских перспектив человечества.

Осуществляются культуроцидные атаки как с помощью прямого применения педагогико-средового «культурного» оружия (через систему тотально ангажированных СМИ, в том числе и социально-сетевых Интернет-практик), так и с помощью традиционной просвещенческой школы, в частности, школ российской цивилизации. Весьма ярко проявилось это как в ряде формально философско-образовательных конструкций 1990-х – 2000-х годов, и завуалировано [2] и откровенно агрессивно нацеленных не только на российскую школу, но и на всю Россию, так и, в целом, в постыдный «соросо-ельцинский» и «днепровский» этап развития российского образования, неслучайно названного деструктивным, а его организаторами даже и прямо – «летальным». И такое использование постсоветской школы как для антироссийских, так и для антипросвещенческих целей (например, для формально постмодернистских и антидемократических не только, что называется, самая «голубая мечта» маргиналов и радикалов) не только осуществлялось и ранее, но угрожает нам и поныне [3].

Не менее ярко проявилось это и в школе украинской, что произошло как с помощью предварительной культурной экспансии Пост-Запада, лишь сравнительно безобидной, в свете ныне текущих процессов, так и посредством активного применения культурно-средового, формально-педагогического и культуроцидного оружия. Так, эта, ещё так недавно и просвещенческая, и, в цивилизационно-культурном отношении, именно российская школа, в частности, одна из многих национальных школ российской цивилизации, в рамках не вчера начатой «племенной политики

всемирной революции», [4] посредством предварительной педагогико-средовой обработки сознания целой страны, уже привлечена к распространению как архаичной и антипросвещенческой, так и откровенно антироссийской, русофобской и нацистской идеологии [5], причём среди того самого населения, которое ещё один-два века назад, а в большинстве своём и совсем недавно, само себя именовало, и осознавало населением именно русским. Трагический «успех» культуроцидного применения и школьных, и внешкольно-средовых технологий на Украине более чем очевиден. Но состоялся он в том числе и потому, что педагогическое сообщество российской цивилизации не только так и не противопоставило этим процессам столь же педагогико-средовые и сопоставимо масштабные контрмеры, только не культуроцидные, а, напротив, системно защищающие её цивилизационно-культурную и ценностную идентичность.

Но и вместо того, чтобы старательно налаживать нормальные образовательные коммуникации на пространстве российской цивилизации, наконец-то освободившейся от последней европейской инфекции в виде марксизма, его троцкистских и ленинских версий, допустило то, что и Россия, и её школа под предлогом будто бы необходимого очередного вхождения их в «цивилизированное сообщество» включились в заведомо «фейковый», так называемый «Болонский процесс», который вместе с тем не только явно угрожает их очевидно не европейской, но российской идентичности, но и на важнейшие десятилетия отвлек от её воспроизводства и развития. Конечно же, в рамках не Болонского, но Киево-Могилянского университетского процесса. Подчеркнём также, что именно за эти и «болонские», и «соросо-днепровские» десятилетия на Украине и выросло целое поколение неонацистов и уже новых «Смердяковых».

Чрезвычайная эффективность «культурного» оружия, нацеленного на идентичность и культурно-образовательную среду целого народа, в итоге довольно скоро разложившего не только его школу, но в значимой степени и саму эту среду (если уже и не сам этот народ в его детях и внуках), что произошло путём привлечения и самой этой школы под его культуроцидные, и антимодернистские и антипостмодернистские и, кроме того, русофобские знамёна, более чем опасна. И не учитывать этой опасности как в целом для российского социума и его культурно-образовательной среды, так и для его военнослужащих и войск ответственное педагогическое мышление, особенно военно-педагогическое, не может, а потому уже довольно давно находится в поиске путей, средств и методов адекватного противодействия ей.

Подчеркнём также, что вопреки принципиальным и подлинно значимым обобщениям постмодернизма, [6] каковыми (в отличие от его попыток рациональной дисквалификации и просвещенческой рациональности и рациональности как таковой, а с ними и эпохи Просвещения) являются в первую очередь легитимация и некое оправдание всех эпох и культур, а значит, и модерна, и всех его национальных культур и их различий, хотя и со всеми постмодернистскими оговорками о неистинности и недопустимости модернистского негативизма к культурным различиям, именно этот негативизм к ним и стал сугубо формальным истоком (хотя и не единственным, и далеко не главным) и, кроме того, декларируемой идеологической основой как самого культурного оружия и его применения, так и одним из поводов для его создания, истинные причины чего, однако, совсем иные и к эпохе Просвещения никакого отношения не имеют.

Хотя в самой эпохе Просвещения негативизм к культурам и их различиям именно оружием отнюдь не проявлялся (за исключением культуроцидной

практики иезуитов [7] и других антипросветителей периода). Напротив, наряду с методологией рационализма, он в целом служил не уничтожению, а развитию культур, хотя и воспринимаемых вполне некритически или излишне критично (что, собственно, и выявил постмодернизм). Так, традиции и различия их воспринимались и как всецело преходящая архаика и провинциализм, и как препятствие на пути в царство самого что ни есть «чистого разума», абсолютизированный культ которого во вполне постмодернистском духе начал разрушаться, как известно, ещё И. Кант в своих знаменитых «Критиках». Тем не менее ещё просвещенческий негативизм к традициям и различиям, а, в большей степени, и его корыстная абсолютизация (что и превратило его из механизма устранения абсурда, в том числе и абсурда необоснованных властных притязаний, как просто в механизме устранения, так и во вполне клеветническую технику приравнивания к абсурду всего, что не устраивает претендентов на господство) и стали истоком для теоретического обоснования уже псевдоглобального и постмодернистского, по времени создания, негативизма, который, однако, как и у иезуитских, масонских [8] и протестантских (только, преимущественно, в экономике) [9] предтеч современных нам глобально-претенциозных субдоминантов служит и псевдопросветительским оправданием их властных «похотей», и культурицидным механизмом их реализации.

Завершилось же создание «культурного» оружия именно в постмодернистскую эпоху, хотя и вопреки её основному смыслу. Состоялось оно как на путях формально постмодернистской химеризации живых культур: либо посредством их той или иной вивисекции (в том числе и путём сословной хирургии в ходе так называемой «классовой борьбы»), либо, напротив, как ныне, добавлением к ним не только будто бы легитимированной постмодернизмом, давно отвергнутой ими их архаики, но и вновь создаваемой их «полиморфной перверсивности». Так и на путях синтеза формально просвещенческого негативизма к различиям культур с педагогико-средовыми идеями и технологиями, заимствованными в «педагогике среды» России-СССР 1920-х – 1930-х годов. Но, в отличие от них, и ещё не бывало нигилистических, и не бывало интенсивно химеризующих культур. Произошло это в работах левой интеллигенции 1930-х – 1970-х годов, объективно следующей в этом, однако, и за иезуитскими, и за масонскими, и за протестантскими глобально-претенциозными антипросвещенческими силами XVII – XIX веков.

Вместе с тем у этого создания были и собственные предпосылки, первоисточки, причины и движущие силы. Так, принципиальное начало уже современной нам агрессивности к естественным культурным различиям (при одновременном культе тех или иных извращений), к многообразию цветущей сложности обрядов и традиций, ценностной и мировоззренческой специфике народов (которые, вопреки всем предрассудкам модерна, отражают не будто бы рационально никак не объяснимые нонсенсы и даже некий этнографический и провинциальный кретинизм, но как объективное разнообразие мира и объективную специфику истории, географии и опыта народов, то есть ценнейший материал для осознания не только их истории и идентичности, но и истории и идентичности всего человечества, а также разные стороны самого абсолюта, не вмещаемого ни в одну из культур и эпох) было положено ещё основателями марксизма. Именно как представители настоящего культурного пролетариата Европы XIX века, всюду почти чужими или, по крайней мере, не вполне своими, являющимися таковыми задолго до Г. Маркузе в силу их фатальной непринадлежности (не полной принадлежно-

сти) фактически ни к какой культурной традиции. В частности, к иудаистской, либо никогда не бывших в ней (Ф. Энгельс), либо уже вышедших из неё (К. Маркс), хотя и сохраняя при этом исходно ещё иудаистское неприятие христианства. Но при этом не только не вошедших вполне в европейскую христианскую культуру и традицию, но и даже старательно от них отказывающихся, в том числе и из-за их революционного (культурно-пролетарского) радикализма по отношению к «старому миру», так не совпадающего ни с их «Манифестом», ни с его ретроградным «призраком».

Тем более не принадлежали они к культуре славянской, ксенофобски и уже вполне по-европейски традиционно ненавидимой ими. И эти, как полагаем, даже не вполне осознаваемые основателями марксизма факторы и делали их в одних случаях чуть ли не «святей папы римского», например, в их отношении к славянам, превосходящем по своей агрессивности и иезуитов, и римских пап, и веками конфликтующих со славянами немцев, то есть некими «суперевропейцами». В большинстве же других случаев, как и в целом вполне культурно-пролетарски агрессивными по отношению к европейской культуре и к феномену культуры вообще.

Таким образом, если не на теоретическом, то на феноменальном уровне основатели марксизма (чего они, правда, так и не заметили) намного опередили и самого Г. Маркузе: как с его апеллированием к некоему всемирному плебейству в качестве цели всего мирового развития, в частности, к его же «одномерному человечеству», так и с его же стремлением посредством «снятия» культурной идентичности со всех человеческих ресурсов воспитать в их лице так называемый «культурный пролетариат». То есть некий, будто бы новый и на сей раз в отличие от пролетариата только экономического (у К. Маркса и Ф. Энгельса), уже по-настоящему бессодержательный, не имеющий никаких иных регулятивов, кроме потребительского, а потому будто бы действительно передовой отряд мировой революции. И так это, прежде всего, потому, что основатели марксизма были и стихийным прообразом, и фактически теми культурно вырожденными силами, о которых только мечтал Г. Маркузе в XX веке. Именно их весьма характерными представителями. Может быть, только за исключением способности к мобилизации, которой культурный пролетариат, инспирированный обществом потребления, и именно в силу его уже полной культурной вырожденности, превосходящей таковую даже у Маркса и Энгельса, как оказалось позднее, и к полному разочарованию левых сил, и вовсе не обладает (что, полагаем, и стало причиной бесславного ухода этих сил с мировой арены уже к 1970-м годам).

Полагаем также, что именно эта культурная ничтожность основоположников марксизма и стала инфляционной движущей силой их, формально, только классовой агрессии, направленной, однако, на все культурные организмы мироздания, итоговое уничтожение которых составляет смысл и их формационной теории. Впервые же на теоретическом уровне культурная агрессия состоялась по отношению к западноевропейским славянам [10], и без того значительно пострадавшим от многовекового и всегда кровавого «дранг нах остен», которых и Ф. Энгельс, и К. Маркс, также подписавший его статью, фактически предлагают полностью онемечить, то есть подвергнуть если и не напрямую, то уж точно культурному геноциду. Так, в указанной статье они не только одобрительно высказываются по поводу «...самых депотических мер против польского населения...», а также и против будто бы уже давно «...умирающей чешской национальности...», но и предлагают оконча-

тельно германизировать всех западных славян. Одиозно утверждают, в частности, что «...богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить не на немецком языке...» [там же]. И именно этот вектор культуроцидного мышления был активно продолжен как уже в начале, так и особенно в середине XX века, когда все культурные суверенитеты и идентичности ещё левыми марксистами, как прямыми предшественниками уже современных нам глобальных субдоминантов и новых «великих инквизиторов», были опознаны в качестве конкурентов в их борьбе за глобальную власть, только прежде всего в её локально-национальных и нравственно-этических масштабах.

Подчеркнём, что теоретически выковано «культурное» оружие было только в XX веке, в будто бы гуманистических трудах «левых марксистов», с 1920-х и по 1935-й годы прошедших во многих отношениях троцкистскую, потому и запрещённую школу «педагогика среды» в России-СССР, в троцкистских преломлениях которой [11] человек является не целью, а лишь средством (мировой революции, построения коммунизма), что недопустимо, по крайней мере, начиная с И. Канта в Европе [12], а в православии, как минимум, ещё с Григория Нисского [13].

Так как мотивом создания «культурного» оружия был не просвещенческий альтруизм, но лишь стремление очередных властных субдоминантов к глобальной власти, то его созданию и применению вовсе не помешал тот факт, что к тому моменту просвещенческий негативизм к культурным различиям был полностью опровергнут постмодернистскими обобщениями [14].

Поэтому в период активного и наиболее масштабного первого применения этого оружия, что, как известно, привело и к «озеленению Америки», [15] и к настоящей культурной революции в Западной Европе 40-х – 70-х годов XX века, идущей, однако, и ныне, мир уже знал и о его нелегитимности, и о его недопустимости. Тем не менее создание и применение состоялись.

Произошло же это опровержение и феноменальным, и ноуменальным способами: как в результате завершения, в целом, исключительно, западного господства в мире, так и в итоге, на сей раз, взрывного проникновения на Запад инокультурных идейных контекстов, что вскоре было осознано как истоки и сам способ его развития и во все предшествующие века [16, с. 132], из чего следует, что Ж.-Ф. Лиотар лишь зафиксировал уже давно состоявшееся состояние, что на деле постмодерн был всегда и только для самомнения модерна и Запада стал открытием.

Ещё более значимой стала легитимация эпох, культур и их различий в результате осознания их принципиальной необходимости для осуществления не только западной, но и всемирной («всечеловеческой») истории, что впервые состоялось ещё в XIX веке, в «России и Европе» Н. Я. Данилевского: «...Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях...» [17, с. 73]. Поэтому «...ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляет высшую точку развития в сравнении с другими...» [17, с. 92].

Позднее такая легитимация не только состоялась в работах всех научно-честных постмодернистов XX века, от О. Шпенглера и К. Ясперса, до А. Тойнби и Икеды, чужающихся и псевдопостмодернистской софистики [18], и её небескорыстных «интеллектуальных уловок». [19] Но и стала одним из

важных «оснований глобального сетевого общества XXI века...» [20].

Небескорыстные же «интеллектуальные уловки» и лукавая софистика постмодернизма стали одним из компонентов культуроцидного оружия, а также, наряду с ним, одним из важнейших способов обретения глобальной власти. При этом «...критерий здесь однозначный: там, где мы говорим об универсалиях прогресса, предназначенных стать общим достоянием, царит дух открытости, просвещенческой ясности и оптимизма. Там же, где речь идёт о монополии, которую меньшинство желает сохранить для себя, тайно от "этой" страны и "этого" народа, – там воцаряется мораль тайных обществ, с её тайными стандартами и бухгалтериями...» [21].

Подчеркнём также, что «культурное» оружие более всего востребовано именно противниками всех марксистов, то есть так называемым мировым капиталом в лице транснациональных банков и корпораций. В этой связи неслучайно, что большинство неоконсерваторов, охотно обслуживающих интересы этих структур, имеют именно левое прошлое (троцкизм либо левый марксизм) [22].

Полагаем, что оппортунистские настроения в среде левой интеллигенции и привели к слиянию бывших врагов империализма именно с империалистами в современные нам так называемые неоконсервативные силы [22], а также к небывало масштабному применению «культурного» и культуроцидного оружия левых, но уже не только в теории, как преимущественно это и было у Т. Адорно, Д. Лукача, Г. Маркузе, В. Райха, М. Хоркхаймера и их ближайших эпигонов, но, благодаря привлечению средств мировой олигархии, и на практике.

Как и когда-то левым марксистам понадобилось это оружие «неоконам» и их транснациональным заказчикам для обретения глобальной и глобально безответственной власти. Для этого они и стараются «снять» любую традиционную культурно-ценностную идентичность.

Очевидно также, что процессы эти, проходящие под флагом почти сакрализованной свободы, посредством легковесного рационализма, довольно эффективно скрывающего однако некую инфернальность и «эзотерику демократического расизма» (А. С. Панарин), есть вызов военно-педагогическому мышлению всех стран, атакованных этой культуроцидной идеологией.

Полагаем, однако, что в первую очередь относится этот вызов культуроцидной эпохи именно к России, в том числе и к её военно-педагогическому мышлению [23]. Так как именно Россия более всего подвергается и формально просвещенческому ostracismu, и системно-средовым нападкам, нацеленным как на её культуру, так и на само её стремление сохранить все виды своего суверенитета, в первую же очередь, своё этическое и культурное самодержавие в культуроцидно-глобализирующемся мире. Потому также, что из всех стран, культур и народов Писания только она ещё может на достаточном информационно-ценностном и цивилизационно-государственном уровне более или менее эффективно противостоять атакам «неоконов» и их транснациональных властителей.

И перед российскими офицерами, и перед всем педагогическим сообществом России встаёт, таким образом, настоятельная необходимость достаточно успешно противостоять враждебным средовым и педагогическим по своему характеру атакам как на культурно-образовательную среду собственно российского социума, так и на культурно-образовательную среду всей российской цивилизации в её естественном евразийском масштабе. Означает это и задачу сохранения и развития их нравственно-этического гомеостаза, что в

эпоху глобализации информационно-ценностных воздействий особенно важно для сохранения и развития культуросообразной России нравственно-этической идентичности её подрастающих поколений, в первую очередь, её действующих и будущих военнослужащих [23].

Полагаем, что в эпоху педагогико-средовой и культуроцидной трансформации и самой войны, не напрасно именуемой «третьей информационно-психологической» [48], задача эта, пусть пока и в общем виде, составляет одну из важных перспектив развития педагогической культуры офицеров России, не только продолжающих воспитательный процесс церкви, мечети, средней школы, но и в свою очередь, составляющих особую, и именно воинскую, школу, являющуюся, поэтому, и частью, и естественным продолжением этих воспитательных феноменов.

Во всех вариантах развития этой перспективы необходимо максимально адекватно и по-настоящему эффективно противодействовать педагогико-средовым атакам на сознание и идентичность российских военнослужащих и как на наиболее организованных защитников Родины, и как одной из наиболее значимых целей ментально-преобразующих атак, противостоять которым во всех стадиях и вариантах своего развития и должна педагогическая культура российского офицерского корпуса, теоретические основания чего, с учётом и педагогической, и культуроцидной трансформации геополитических, информационно-ценностных и военных противостояний эпохи, пока, однако, далеко не ясны. Поэтому их поиск необходимым образом предвещает все возможности адекватного и по-настоящему успешного противодействия этим атакам.

Полагаем, однако, что принципиально вполне возможно это противодействие, во-первых, посредством нахождения таких оснований. Во-вторых, путём создания обновлённой теоретической модели педагогической культуры офицеров России, адекватной как сравнительно недавним культуроцидным и ментально-преобразующим вызовам, так и задачам эффективной защиты от них кадрового состава российской армии. В-третьих, посредством последующего развития этой культуры, основываясь как на уже состоявшейся традиции [25], так и на этой новой её теоретической модели, учитывающей культуроцидные и педагогико-средовые вызовы и исходящей из них. В эпоху, когда система ценностей и культурно-этическая идентичность являются важнейшей мишенью высокотехнологичных культуроцидных и ментально-преобразующих атак, уже достигающих своих агрессивных целей, что среди прочего проявляется и в «трансформации ценностей военной службы» в России [26], и в российском военно-педагогическом мышлении, и в российской военной педагогике, в целом, прежде же всего, в педагогической культуре офицерского корпуса России, не могут оставаться в стороне от этого вызова.

Так это и потому, что реализуется этот вызов с помощью педагогико-средовых технологий, потому, что цели его, имеющие отчётливый военно-наступательный характер, осуществляются, однако, традиционно невоенными, но именно технолого-педагогическими средствами.

Отметим, что в отличие от прежних эпох, где целью оружия являлась лишь того или иного масштаба военно-силовая победа над противником, но не его полное культурное уничтожение, основной целью «культурного» оружия, вполне педагогического по своей технологичной сущности, с его внешне именно педагогической устремлённостью на формирование общественного сознания, является итоговое снятие традиционной культурно-ценностной идентичности со всех адресатов его культуроцидных и ментально-

преобразующих атак. Применяется это оружие к тому же под формально-просветительскими, гуманистическими, альтруистическими и формально-педагогическими предложениями, что, однако, лишь маскирует враждебный, корыстный и античеловеческий его характер, не только несовпадающий с аксиологией педагогики [27] и её образовательным смыслом, но и существенно противоположный им. И это обстоятельство не только купирует и часто почти обезоруживает жертв этих атак, но и составляет для них особую проблему, связанную как с поиском возможностей сопротивления этим атакам, так и с необходимостью не уподобиться при этом их противнику, так как это и было бы его полной победой.

Выступать против сил, позиционирующих себя как до невозможности человеколюбивых проводников и чуть ли не посланников и просвещения, и даже самого глобального универсума (пусть и вполне лживо, что, однако, далеко не всегда, всем и сразу очевидно), цинично использующих к тому же и просвещенческую и альтруистическую идеологию, и прогрессистскую аргументацию, само по себе довольно трудно. Кроме того, для мишеней этих атак, система ценностей которых прямо противоположна системе ценностей нападающих на них, не допускающей как циничное использование любых контекстов, так и цели такого использования, принципиально невозможно даже для собственной защиты применять культуроцидное оружие.

Поэтому вопрос о перспективах и содержательных вариантах адекватного реагирования на культуроцидные атаки, в том числе и средствами педагогической культуры российских офицеров, стоит столь же остро, сколь и вопрос о противодействии террористам, в потенциальных заложниках у которых уже весь мир и которым именно симметричный ответ, конечно же, невозможен, составляет и логически, и эмоционально весьма напряжённое поле нашего незнания.

В самом общем виде этот, по необходимости, содержательно двоякий вопрос, ответ на который не очевиден или пока ещё не существует, звучит, на наш взгляд, и в такой предварительной формулировке: «Как и с опорой на какие теоретико-педагогические и культуросообразные России контексты возможно в рамках педагогической культуры российских офицеров адекватное и эффективное противодействие культуроцидным педагогико-средовым атакам, при невозможности симметричного ответа на них, то есть ответа, как и эти атаки, столь же культуроцидного и циничного, поскольку именно такой ответ и будет итоговой победой агрессора?».

Полагаем, что, в первую очередь, весьма важен этот вопрос для всего педагогического сообщества нашей страны и цивилизации, более всего в наши дни и подвергающихся культуроцидным атакам. Но, очевидно, что в наибольшей степени актуален он как в целом для их военно-педагогического мышления, профессионально занятого и вопросами защиты их социума, и вопросами воспитания его военнослужащих в этом ключе, так и для адекватного развития феномена педагогической культуры их офицеров, которые, в том числе и в своей воспитательной деятельности, вынуждены почти в одиночку противостоять масштабным и во многом уже весьма успешным педагогико-средовым технологиям культуроцидного этапа глобализации, нацеленным на кардинальное преобразование этики и нравственной идентичности, в том числе, если не в первую очередь, и российских военнослужащих, чему, первым делом, и должна по-настоящему эффективно противодействовать педагогическая культура российских офицеров.

Полагаем также, что ответ, по крайней мере, на одну часть приведённого вопроса, и именно о теорети-

ческом основании развития педагогической культуры российского офицерского корпуса на культуроцидном этапе глобализации, мы уже нашли. Таковым в наших поисках теоретико-педагогического потенциала, адекватного как текущей культуроцидной эпохе, так и отечественной культуре, мы считаем культурно-образовательную версию средового подхода к образованию и педагогике Е. П. Белозерцева и его последователей. И это тем более так, потому что в исторических формах осуществления этого подхода, и именно в российской и советской «педагогике среды», и коренятся основные принципы, технологии и приёмы культуроцидной агрессии, состоявшейся, однако, на ценностной основе, прямо противоположной, просвещенческой, альтруистической и подлинно гуманистической системе ценностей наиболее значимых представителей, да и самих создателей этого подхода в лице

С. Т. Шацкого, М. В. Крупениной, Л. С. Выготского, в силу чего агрессия, организованная левомарксистскими, а затем и неоконсервативными пользователями этого подхода имеет к нему самому самое стороннее отношение.

Поэтому же необходимо рассмотрение перспектив развития педагогической культуры офицеров России именно в русле идей культурно-образовательной и цивилизационно-средовой школы Е. П. Белозерцева. Так как именно она в наши дни и прямо, и наиболее последовательно развивает его центральный вектор, заложенный ещё и в педагогике Царскосельского лицея, и в трудах Н. Я. Данилевского, и в деятельности К. Д. Ушинского, и в «педагогике среды» С. Т. Шацкого и М. В. Крупениной, и в культурно-исторической теории Л. С. Выготского, и лишь затем и по-разному, но в целом лишь отчасти и без должной взаимосвязи был продолжен в работах Л. П. Бувей, Л. И. Божович, Ю. М. Лотмана, В. С. Библера, В. В. Кожина, Л. Н. Новиковой, В. Д. Семёнова, Б. З. Вульфова, Ю. С. Мануйлова, П. Г. Щедровицкого, Г. Д. Гачева...

Необходимо обращение к школе Е. П. Белозерцева и как к одной из немногих школ в современной нам педагогике (если, вообще, не единственной), которая не только учитывает историко-культурную, узко педагогическую сущность феномена образования [28], но и его, в контексте текущих геополитических и культуроцидных процессов, уже довольно проблематичный характер [29], то есть, как к такой школе, которая комплементарна и педагогико-средовой сущности культуроцидной агрессии, и настоятельной потребности в педагогико-средовом же противодействии ей. Поэтому конкретизированная формулировка исследуемого вопроса приобретает следующий гносеологический и герменевтически многообещающий вид:

«Какие перспективы развития педагогической культуры российских офицеров предполагают, с одной стороны, агрессивные педагогико-средовые особенности культуроцидного этапа глобализации, а с другой стороны, принципиально культуросообразная Россия в её культурном потенциале и черпающая свои идеи и систему ценностей, культурно-образовательная и цивилизационная школа и версия средового подхода к образованию и педагогике Е. П. Белозерцева?»

Полагаем, что в культуроцидном контексте текущего периода глобализации приведённая формулировка этой проблемы имеет достаточно важное и методологическое, и содержательное значение. Так, она не только, в целом, указывает на принципиальные и, в то же время, вполне конкретные пути её потенциально успешного разрешения, но и в общем виде показывает столь же принципиальные перспективы успешного же противодействия культуроцидной агрессии,

что, конечно, требует продолжения, расширения и конкретизации этого вектора исследования.

Так, полагаем, что именно в силу взаимодействия феномена педагогической культуры офицеров России с комплексом идей, обобщений и поисков культурно-образовательной школы Е. П. Белозерцева в средовом подходе к образованию и педагогике (что, как полагаем, ныне и есть одна из магистральных перспектив развития этой культуры), феномен этот и сможет не только, несмотря на все средовые агрессии, оставаться культуро-, и ценностно-сообразным как российской армии, так и всей России, но и, кроме того, будет успешно осуществляться (конечно, при выполнении главного требования этой версии средового подхода по всемерному укоренению этого феномена в культуре России, что, безусловно, составляет ещё более важную перспективу его развития) и в условиях системных и нарастающих культуроцидных формально-просветительских, формально-постмодернистских, формально-педагогических и педагогико-средовых атак на российскую культурно-нравственную, духовно-религиозную, этическую и ценностную идентичность: конфессиональную, культурную, педагогическую, воинскую...

То есть и в условиях масштабных культуроцидных атак оставаться способным сохранять свою родовую культурно-ценностную идентичность и по-настоящему успешно находить адекватные этим атакам и действительно эффективные ответы на них, в первую очередь, черпая их в культурно-родовой, этической и ценностно-этической своей идентичности.

Или, иными словами, находя их в этически и ценностно безупречной культурно-образовательной среде всей умопостигаемой России, заведомо превосходящей по этическому и культурно-содержательному потенциалу все те намеренно культурно-вырожденные и универсально-примитивные альтернативы ей, которые, уже только с этой точки зрения и поэтому, как вполне тщетно в целом, пытаются её атаковать, так и тем более тщетно надеются её победить.

Таким образом, из множества научно-педагогических школ современной России [30] именно школа и версия средового подхода к образованию и педагогике Е. П. Белозерцева и его последователей является наиболее соответствующей и комплементарной как очевидно опасным педагогико-средовым особенностям противостояний с Пост-Западом, так и задачам развития эффективной педагогической культуры российских офицеров, адекватной как культуроцидному этапу глобализации, так и вечным «культурно-иммунитетным» задачам этой культуры и в воспитании военнослужащих России XXI века, и в деле защиты Отечества в целом.

Школа эта не только активно и плодотворно развивается в рамках средового подхода к образованию и педагогике, который, в исторических формах своего осуществления и стал (пусть и на противоположной аксиологии педагогики ценностной основе) основным теоретическим базисом всех педагогико-средовых технологий по агрессивно-враждебной обработке общественного сознания, в первую же очередь, культуроцидных таких технологий Пост-Запада.

Именно эта школа наиболее позитивным образом развивает в наши дни и сам средовой подход к образованию и педагогике. Но, в отличие от постзападных манипуляторов и сознанием, и культурной идентичностью как российского, так и мирового социума (которые, пусть и ценностно недопустимым «образом», но также используют в своих культуроцидных акциях именно этот подход) делает это, опираясь не на заведомо вырожденный и пролетаризованный феномен так называемой массовой культуры, иначе называемой и культурой «общества потребления»

ния» [31], не на нижние ступени иерархии потребностей А. Маслоу, а всё чаще на «потребности» низменные, системно извращённые и «полиморфно-перверсивные» (по Г. Маркузе).

Но с принципиальной опорой на феномен культуры, не как-либо сконструированной и химерной, но живой и естественной. В первую же очередь, с опорой на культуру отечественную (в которой эта школа и черпает и свои идеи, силы и образовательные практики, и своё ценностное соответствие как России, так и аксиологии образования и подлинной педагогики), а также с прямой опорой как на онтологические и при этом высшие потребности человека (в любви, творчестве, познании, гармонии), так и на ценностную и этическую основу Писания и эпохи Просвещения, закономерно следующей из идей и самого смысла именно Писания: «...И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме...» (Мф. 5, 15).

Таким образом, в первую очередь, опирается эта школа не на узко педагогические аспекты феномена образования, но, прежде всего, на онтологическую и культурно-историческую его сущность (от коей всецело зависит и педагогика), что закономерно приводит к расширению её теоретического базиса в сторону философии и гносеологии, библеистики и онтологии, социологии, религиоведения, истории, культурологии, глобалистики, геополитики, краеведения....

При этом развивает средовой подход к образованию и педагогике эта школа в тех именно его аспектах, которые актуальны ныне уже для всех суверенитетов, идентичностей и культур планеты, причём как с точки зрения культурно-позитивных исходов глобального противостояния всемирного олигархата и всех суверенитетов мира, так и с точки зрения необходимости успеха в противодействиях педагогической культуры российских офицеров (в первую очередь, в процессе ежедневного воспитания военнослужащих) культуроцидным, сетевым, педагогико-средовым и технотронным технологиям глубоко корыстного, откровенно враждебного и циничного манипулирования как мировым сознанием, так и сознанием национально- и цивилизационно-российским, прежде всего, воинским и офицерским, которое, наряду с традиционными задачами воинского воспитания, ответственно кроме того и в целом на системно атакуемый культурно-ценностный гомеостаз России: как за купирование всех возможных вариантов химеризации и извращений её культуры так и в первую очередь в её военно-оборонном ракурсе.

Таким образом, прямо соответствует культурно-образовательная школа и версия средового подхода к образованию и педагогике Е. П. Белозерцева и этическому кодексу Писания, и аксиологии эпохи Просвещения, и задачам военно-педагогического мышления, и культуре России. В первую же очередь, задачам отечественного оборонно-педагогического мышления, которое в условиях почти очевидно культуроцидного этапа глобализации, как полагаем, является важней-

шим направлением каждого неравнодушного и ценностно мотивированного сознания.

Так, именно это сознание и открывает нам новые, на сей раз не просто конфликтные, но уже почти смертельные – культуроцидные – грани особой, не только объективно-стихийно сложившейся, но, в первую очередь, намеренно организованной, некой принципиально новой «школы диалога культур», далеко, однако, не библеровской [32], где, чуть ли не предсмертный диалог этот, вот уже какое десятилетие, не только брызжет трупным, культуроцидным ядом неоконсервативного Пост-Запада, но и всё заметнее превращается в его чуть ли не последний монолог над уже зияющими могилами и культур Писания, и всех остальных культур нашего мира.

Пройдём ли мы эту школу, оставшись верными и завету любви, и ещё ветхозаветному запрету как на убийство, так и тем более на самоубийство, и возможного, и цинично провоцируемого как путём формально политкорректного самоотвержения, так и в силу нашей почти ожидаемой нерасторопности при противостоянии очередным претендентам на глобальное господство, но на сей раз с помощью небывало коварного, так называемого культурного оружия?..

Полагаем, что в попытках педагогического сообщества России, в первую же очередь, его военно-педагогического состава, как-то противодействовать всем культуроцидным исходам, и это их, но уже настоящему эффективное противостояние с мировым олигархатом, и действительно успешное окончание ими означенной «школы», организованной Пост-Западом и в мировом, и в российском масштабах и лишь внешне стихийно сложившейся, равно как и действительно позитивное окончание и самого пока почти предсмертного диалога культур, во многих отношениях уже пораженных как либеральной инфекцией, так и культуроцидной активностью, в том числе и активностью самоубийственной, развивающейся под различными политкорректными предложениями [33], принципиально возможны именно, если даже не исключительно, на путях полноценной и максимально творческой опоры на культурно-образовательную версию средового подхода к образованию и педагогике Е. П. Белозерцева и его школы в этом подходе.

Таким образом, именно эта школа и версия средового подхода к образованию и педагогике выступают наиболее значимым и, чуть ли не единственным настоящим весомым, теоретическим основанием для действительно эффективного ответа на культуроцидные и педагогико-средовые вызовы глобальной эпохи: как для создания в перспективе, как минимум, обновлённой теоретической модели развития педагогической культуры офицеров России, так и для оперативной адекватизации этой культуры культуроцидному этапу глобализации уже сейчас.

Так, что «...учите уроки...» либо в номенальной, то есть умопостигаемой школе Е. П. Белозерцева, либо в феноменальной, то есть, чувственно и, может быть, уже посмертно постигаемой, школе культуроцидного Пост-Запада....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс ; пер. с нем. – М., 1991. – 527 с.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2000. – № 41.
3. Ушакин, С. А. «Мультикультурализм» по-русски, или о возможности педагогики постмодерна в России [Текст] / С. А. Ушакин // Полис. – № 4. – 1997. – С. 117–123.
4. Леонтьев, К. Н. Племенная политика как орудие всемирной революции [Текст] / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. – М., 1912. – Т. 6. – С. 151.
5. Школа ненависти: как Украина Майдана уродует детей 14.01.2017 – 5:00 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1484337866>.

6. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – М. ; СПб., 1998. – 160 с.
7. Голицын, А. А. О высылке из России Иезуитов и об упразднении Полоцкой Иезуитской академии и подведомственных ей училищ [Текст] / А. А. Голицын // Сборник постановлений по МНП: Царствование Александра I. 1802 – 1824 гг. – СПб., 1875. – Т. I. – С. 1346–1356.
8. Вернадский, Г. В. Русское масонство во времена Екатерины II [Текст] / Г. В. Вернадский. – М.: Ломоносов, 2014. – 272 с.
9. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1988. – 808 с.
10. Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии [Текст] / Ф. Энгельс. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 8. – М., 1957. – С. 84.
11. Куразов, И. Марксистское понятие воспитания [Текст] / И. Куразов // Спорные проблемы марксистской педагогики: сб. статей / под ред. А. З. Иоанисиани. – М.: Работник просвещения, 1930.
12. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.
13. Нисский Григорий. Человек есть образ Божий [Текст] / Григорий Нисский. – М., 1995.
14. Тойнби, А. Дж. Постигание истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
15. Greening (ed.), Articles on humanistic education. – S. F., 1986.
16. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма [Текст] / Н. Б. Маньковская. – М., 2000. – 347 с.
17. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995.
18. Брикмон, Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна [Текст] / Ж. Брикмон, А. Сокал ; пер. с англ. А. Костинова, Д. Кралечкин. – М., 2002. – 248 с.
19. https://ru.wikipedia.org/wiki/Постмодернизм#cite_note-Soviet-41
20. Цендровский, О. Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. [Текст] / О. Ю. Цендровский // Человек и культура. – 2015. – № 5. – С. 1–57.
21. Панарин, А. С. Искусение глобализмом [Текст] / А. С. Панарин. – М., 2003. – 416 с.
22. Дрязгунов, К. Неоконсерватизм как идеология мировой гегемонии США [Электронный ресурс] / К. Дрязгунов. – Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/561/>. 17 января 2013 года.
23. Чижик, П. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства [Текст] / П. Чижик. – М., 2000.
24. Севастьянов, М. Не проиграть информационную войну [Текст] / М. Севастьянов, П. Фоменко // Ориентир. – 2004. – № 2. – С. 28–32.
25. Лобач, А. И. Формирование педагогической культуры у курсантов командных военных училищ: автореф. дис. ...канд. пед. наук [Текст] / А. И. Лобач. – М.: ВПА, 1992. – 23 с.
26. Соловьев, С. С. Трансформация ценностей военной службы [Текст] / С. С. Соловьев // Социологические исследования. – 1996. – № 9. – С. 56–71.
27. Слостенин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / В. А. Слостенин, Г. И. Чижаква. – М., 2003. – 192 с.
28. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций [Текст] / Е. П. Белозерцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 704 с.
29. Белозерцев, Е. П. Образование в контексте геополитических событий [Текст] / Е. П. Белозерцев // Бегемот • 777 • Сова. – 2015. – №2(25). – С. 253–266.
30. Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования: коллективная монография [Текст] / под ред. Е. П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с.
31. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
32. Библер, В. С. Школа диалога культур [Текст] / В. С. Библер // Советская педагогика. – 1988. – № 11. – С. 29–34.
33. Толстая, Т. Политическая корректность [Текст] / Т. Толстая // Наталья Толстая, Татьяна Толстая "Двое: разное". – М.: Подкова. 2001. – 476, [1] с.